МЕДВѢДИ.

— Знаете ли вы «Сергачскаго боярина?» А знаете ли «Сморгонскаго студента?» — Одного–то знаю, а другаго не вѣдаю. — Все одно. Въ Сергачскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи обучаютъ медвѣдей и ходятъ съ ними дармоѣдничать по всей восточной Руси; а въ Сморгонахъ, въ Бѣлоруссіи, поставляютъ ихъ же на всю западную Русь. Тамъ называютъ ихъ «сергачскими боярами», здѣсь же «сморгонскими студентами.» И тутъ и тамъ вожаки берутъ ученаго звѣря на–прокатъ у хозяевъ, а также изъ оброку у своихъ господъ, и шатаются съ ними по бѣлому свѣту. Въ южной Россіи вожаки нерѣдко бываютъ изъ цыганъ, а медвѣдей достаютъ либо изъ Бѣлоруссіи же, либо черезъ Молдавію, изъ–за Карпатскихъ горъ.

Многіе изъ васъ, я думаю, когда–нибудь слышали быль, какъ вожаки съ медвѣдями

спасли небогатаго помѣщика, или, вѣрнѣе, хуторянина, отъ разбойниковъ и убійцъ, но немногіе можетъ–быть знаютъ подробности этого происшествія, которое случилось въ 1806 году, въ Екатеринославской губерніи, Бахмутскаго уѣзда, неподалеку Лугани.

Хуторянинъ этотъ, человѣкъ уже не молодой, жилъ себѣ особнякомъ и обработывалъ пашню наёмными работниками; въ домѣ же у него было немного людей, — всего мужикъ, да двѣ бабы. Рѣчь шла объ немъ, что онъ скупъ, и что у него есть деньги, которыя однако жъ запрятаны гдѣ–то, такъ что никто ихъ не найдетъ: кто говорилъ, что онѣ состоятъ изъ серебра и золота, зарыты у него въ кувшинѣ подъ печкой — а хата его была, какъ обыкновенно въ тѣхъ мѣстахъ, мазанная, съ битымъ глинянымъ поломъ; иные толковали, что деньги его, всё ассигнаціи, зашиты у него въ подкладку халата. Хуторъ его лежалъ версты полторы въ сторонѣ отъ проселочной дороги и притомъ въ небольшомъ оврагѣ, при двухъ колодцахъ съ журавлями, изъ которыхъ

одинъ окруженъ былъ хорошо поддержаннымъ плодовымъ садомъ. Съ дороги только виднѣлись очепы колодцевъ. Хозяинъ, между прочимъ, держалъ много дворовой птицы.

Вожаки съ медвѣдями, какъ извѣстно, ходятъ обыкновенно артелями, по нѣсколько человѣкъ; расходятся, по уговору, тутъ и тамъ по разнымъ дорогамъ и потомъ опять сходятся. Подъ Луганью собрались однажды такимъ образомъ пять человѣкъ съ медвѣдями; день вечерѣлъ, было пасмурно, а тамъ пошелъ и дождь. Вожаки отправились въ ближайшую деревеньку, но несговорчивая помѣщица выгнала ихъ оттуда, ни зачто не соглашаясь принять на ночлегъ пятерыхъ медвѣдей, хотя цыгане очень красно разсыпались передъ нею и обѣщали–было ей показать самыя лучшія штуки. Медвѣди кланялись въ–поясъ, въ–запуски съ своими вожатаями; но несмотря на эти звѣриныя вѣжливости, старуха всё–таки ихъ не впустила.

Пустившись по дорогѣ дальше, цыгане увидѣли въ сторонѣ, сквозь мелкій дождь, очепы двухъ колодцевъ. Обрадованные этимъ, они тотчасъ же своротили туда, и подойдя черезъ четверть часа къ окраинѣ оврага, увидѣли передъ собой небольшой садъ и бѣлую мазанку, съ немногими надворными строеніями. Они спустились, подошли къ окнамъ хаты, у которыхъ стоялъ хозяинъ, и низко кланяясь въ–запуски съ медвѣдями, просились къ нему ночевать. Старикъ отвелъ имъ одинъ изъ надворныхъ сарайчиковъ, съ тѣмъ только уговоромъ, чтобы они не разводили тамъ огня и не курили трубокъ. Цыгане еще разъ поклонились въ–поясъ и расположились на ночлегъ.

Около полуночи одинъ изъ цыгановъ проснулся отъ какого–то шуму и услышалъ, что курицы подняли страшный крикъ. Какъ человѣкъ опытный въ этомъ дѣлѣ, онъ заключилъ, что кто–нибудь забрался въ курятникъ и переполошилъ птицу; оглянувшись на собратовъ своихъ и на медвѣдей, онъ убѣдился, что тутъ всѣ на

лицо; но въ то же время ему бросился въ глаза какой–то глухой крикъ и необыкновенный свѣтъ: окна хозяйскаго дома были освѣщены. Цыганъ всталъ, изъ любопытства подошелъ потихоньку къ окнамъ — и со страхомъ глядѣлъ на то, что дѣлалось въ домѣ: четыре разбойника держали раздѣтаго и связаннаго старика–хозяина и тащили его на брошенный посреди пола горящій пукъ соломы; раскачивая его на рукахъ и поджаривая, они допытывались, гдѣ у него лежатъ остальныя деньги, не вѣря ему въ томъ, что онъ уже отдалъ имъ всѣ.

Цыганъ кинулся, сломя голову, къ товарищамъ, разбудилъ ихъ и позвалъ, съ медвѣдями, за собою. Трое изъ нихъ стали вокругъ дома подъ окнами, четвертый у задняго крыльца, а пятый, съ самымъ надежнымъ воспитанникомъ Сморгонъ, подошелъ къ переднему крыльцу. Разбойники приперли дверь. Цыганъ стукнулъ своею дубинкою въ двери — воры опѣшали, но не отпирали. Тутъ по слову: «А ну, Потапычъ, подсунь–ка вотъ сюда

лапу!» — медвѣдь подсунулъ лапку свою въ щель подъ двери, высадилъ ее безъ большой натуги и съ ужаснымъ ревомъ вошелъ въ комнату, приготовляясь къ пляскѣ, а цыганъ вторилъ ему своимъ дикимъ крикомъ; прочіе ревѣли, кричали и стучали подъ окнами. Разбойники отскочили въ страхѣ — такихъ понятыхъ они не ожидали; двое кинулись–было къ окнамъ, но и здѣсь встрѣтила ихъ мачихина лапа и чуть не причесала по модѣ. Вошли и остальные цыгане съ медвѣдями, который въ двери, а который въ окно; самый отчаянный разбойникъ, опомнясь немного, хотѣлъ пробиться на проломъ, но «красная барышня», какъ одинъ изъ цыганъ называлъ свою медвѣдицу, не надорвавшись, осилила и поборола этого молодца. Словомъ, всѣхъ четырехъ перевязали и представили въ Бахмутъ, а старика спасли, хотя онъ не скоро вылежался послѣ значительныхъ обжоговъ.

Работникъ и одна баба, бывшіе на хуторѣ, были найдены также связанными, а другая женщина успѣла скрыться въ

потьмахъ, и она–то, забравшись со страху въ сосѣднiй съ сараемъ курятникъ, надѣлала первую тревогу.

Тутъ собесѣдники стали припоминать множество разсказовъ о медвѣдѣ: какъ медвѣдь, укравъ куль муки, снесъ ее на рѣчку и думалъ тамъ заварить саламату, да расхлебать ее лапой, и какъ сердился онъ, что вода болтушку уноситъ; какъ у соннаго сергачевца медвѣдь въ лѣсъ ушелъ, отъискалъ тамъ двоихъ товарищей и поставилъ–было вожака съ козой въ–тупикъ, пока этотъ, наконецъ, со страху, не догадался ударить въ барабанъ, заиграть въ дудку, да пустить впередъ мальчишку, по обычаю одѣтаго козой, выступить на поляну: какъ–только медвѣдь заслышалъ эту пѣсню, да увидѣлъ всѣ снаряды и приборы, — то заревѣвъ, поднялся на дыбы, и пошелъ поворачиваться, какъ его въ старые годы учивали.... Дикiе медвѣди ушли, а этотъ дался въ руки. Наконецъ разсказывали также — нето быль, нето сказку, — о томъ, какъ медвѣдь съ крестомъ въ деревню прiѣхалъ. Мужикъ

поѣхалъ зимою въ лѣсъ, по–дрова: медвѣдь, котораго, видно, кто–то поднялъ съ берлоги и который поэтому бродилъ, сердитый и голодный, по лѣсу, подошелъ сзади къ дровнямъ, — между–тѣмъ какъ мужикъ рубилъ встороне хворостъ, — и кинулся прыжкомъ на лошадь; та дернула впередъ, понесла, и тамъ Мишка не попалъ на лошадь, а попалъ на дровни. Испуганная лошадь мчала его, сломя голову, а онъ, оглядываясь по сторонамъ, струсилъ, не рѣшаясь соскочить, и потому ревѣлъ и безуспѣшно хватался лапами за кусты. Лошадь промчала его черезъ старое кладбище, и Мишукъ со страху хотѣлъ–было ухватиться за наклонившійся крестъ, но крестъ остался у него въ лапахъ, и Мишка, въ недоумѣніи, оборачивая его во всѣ стороны, пріѣхалъ съ нимъ прямо къ крестьянину на дворъ. Къ этому прибавляютъ, будто нашъ Мишка этимъ нечаяннымъ происшествіемъ такъ былъ озадаченъ, что мужики успѣли его окружить и навсегда отъучить отъ продѣлокъ.